

Проблемы обеспечения коллективной безопасности постсоветского пространства в условиях международной эскалации

Дмитрий Л. Цыбаков

*Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
Московская область, Россия,
d413839@yandex.ru*

Аннотация: Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости исследования потенциала эффективности Организации Договора о коллективной безопасности в условиях мирового порядка в XXI столетии. Формирование системы коллективной безопасности постсоветского пространства сопровождалось рядом кризисных процессов, детерминированных постбиполярной эпохой. По итогам рассмотрения деятельности институтов ОДКБ определяются причины недостаточной эффективности системы коллективной безопасности в ситуации современной международной эскалации и прогнозируется дальнейшее переформатирование объема компетенции и структуры организации.

Ключевые слова: коллективная безопасность, ОДКБ, СНГ, постсоветское пространство, кризис, международная эскалация

Для цитирования: Цыбаков Д.Л. Проблемы обеспечения коллективной безопасности постсоветского пространства в условиях международной эскалации. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(2):120–128. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-120-128>

Поступила 29.02.2023

Принята в печать 24.03.2023

Опубликована 30.06.2023

Problems of Ensuring Collective Security of the Post-Soviet Space in the Context of International Escalation

Dmitry L. Tsybakov

*The Academy of Civil Protection of the EMERCOM of Russia
named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, Moscow region, Russia,
d413839@yandex.ru*

Abstract: The relevance of this study lies in the need to study the potential effectiveness of the Collective Security Treaty Organization in the conditions of the world order in the XXI century. The formation of the collective security system of the post-Soviet space was accompanied by a number of crisis processes determined by the post-bipolar era. Based on the results of the review of the activities of the CSTO institutions, the reasons for the insufficient effectiveness of the collective security system in the situation of modern international escalation are determined and further reformatting of the scope of competence and structure of the organization is predicted.

Keywords: collective security, CSTO, CIS, post-Soviet space, crisis, international escalation

For citation: Tsybakov D.L. Problems of Ensuring Collective Security of the Post-Soviet Space in the Context of International Escalation. *Post-Soviet Issues*. 2023;10(2):120–128. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-120-128>

Received 29.02.2023

Revised 24.03.2023

Published 30.06.2023

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2020-х гг. череда политических и военно-политических кризисов, охвативших ареал бывшего СССР формируют новые вызовы и угрозы системе коллективной безопасности с участием Российской Федерации и ее союзников по ОДКБ. Такие события как вооруженный приграничный конфликт между Таджикистаном и Киргизией, Вторая Карабахская война и экспансия Стамбула в Закавказье и Центральную Азию, и особенно полномасштабное противостояние Россия-Запад на фоне Специальной военной операции на Украине формируют антураж международной эскалации третьего десятилетия XXI века. Испытание на прочность для Организации Договора коллективной безопасности началось еще накануне перечисленных событий, когда в 2019–2021 гг. практически все государства-участники оказались охвачены попытками очередных «цветных революций» и антиконституционных мятежей.

На сегодняшний день очевидно, что система коллективной безопасности пост-

советского геополитического региона охвачена затяжным системным кризисом — институты ОДКБ лишь символически задействованы в попытках разрешения армяно-азербайджанских противоречий, а по отношению к Специальной военной операции на Украине координирующие органы организации по состоянию на начало 2023 г. так и не выработали консолидированной точки зрения. Причина уклонения многих государств — участников ОДКБ от формирования общей стратегии состоит в том, что к настоящему времени для них характерно переформатирование своих геополитических ориентаций. По большей части таковые вступают в противоречие с потребностью в создании единого пространства безопасности на пространстве СНГ. Причем по многим вопросам обороны и безопасности практически все страны-союзники, сохранившие вектор на сотрудничество с Россией и в 2004 г. вошедшие в число членов ОДКБ, предпочитали свою узко понимаемую автономию

выработке единого курса в новых интеграционных объединениях. Что требует рассмотрения проблемных ситуаций в функционировании системы коллективной безопасности с участием России.

КРИЗИСНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1990 — НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

К настоящему времени система коллективной безопасности с участием Российской Федерации прошла противоречивый путь развития, отмеченный полосой внутренних кризисов и институциональных трансформаций. Правящим элитам новых независимых государств СНГ неоднократно приходилось делать выбор между собственными конъюнктурными потребностями и общим стратегическим интересом в формировании единого пространства безопасности. Проблемный характер процесса формирования постсоветской системы коллективной безопасности доказывается, в первую очередь тем обстоятельством, что ее организационная структура оформилась только к 2004–2006 гг., то есть через четырнадцать лет после подписания Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г.

Серьезной ошибкой было возложение военно-политическая реинтеграции новых независимых государств должна была осуществляться на основе органов и институтов СНГ, которые и сами пребывали в процессе формирования. На этот процесс оказывали прямое влияние непоследовательность позиций относительно принципов деятельности будущей организации со стороны постсоветских государств. Очевидная неустойчивость военно-политической интеграции в сфере обороны и безопасности называют отказ от тесного сотрудничества с Россией как условие до-

казательства прозападной ориентации постсоветских элит, что в целом может быть принято близким к истине [5, с.42] (1).

В связи с чем имеет смысл принять во внимание определение постсоветского региона как пространства перманентной «этноконфессиональной напряженности». Следствием чего становится появление в этом ареале так называемых «слабых государств», большинство из которых трансформировались республики бывшего СССР [1, с.50] (2). На протяжении 1990–2000-х гг. постсоветское пространство проявляло себя как конфликтогенный регион, для которого остаются проблематичными перспективы урегулирования вековых этнополитических конфликтов, которые обрели новое содержание в период распада Советского Союза, а также после него. Таким образом, ключевой причиной последовавшей в скором времени невысокой эффективности формируемой системы коллективной безопасности назовем уклонение разработчиков и подписантов «Ташкентского пакта» от 1992 г. от нацеленности на урегулирование традиционных этноконфессиональных противоречий, которыми были охвачены практически все страны СНГ. Главным предназначением формируемой политики региональной безопасности было объявлено противодействие потенциальному внешнему вторжению на территорию какого-либо из постсоветских государств. Такое развитие событий на протяжении 1990-х гг. не представлялось близким к реальности, что и сказалось на формальном подходе большинства из стран — участников соглашения к принятым на себя в соответствии с ним обязательствам.

Доказательством чего можно назвать выход из Договора о коллективной безопасности таких его первоначальных участников как Азербайджан, Грузия

и Узбекистан. Отметим, что открытая поддержка со стороны Российской Федерации бывших советских руководителей государств — подписантов ДКБ 1992 г., которым была оказана прямая помощь в приходе и удержанию государственной власти, отнюдь не способствовала их переходу под патронаж евроатлантических организаций. Как обосновывают исследователи, фронда Баку и Тбилиси по отношению Российской Федерации из-за ее поддержки неподконтрольных национальных автономий являлись не основной причиной, а формальным поводом для отказа сохранять участие в формируемой системе коллективной безопасности [6, с.23] (3). Отмеченный фактор продолжает оказывать влияние на эффективность ОДКБ и в наши дни, что объясняет демарши прозападного руководства Еревана и Астаны относительно неэффективности усилий России в деле урегулирования армяно-азербайджанского конфликта или по поводу ее протестов против нарастания русофобии в Казахстане.

Признаем обоснованными весьма сдержанные оценки реальных возможностей по обеспечению коллективной безопасности на основе Договора от 1992 г. на протяжении раннего постсоветского периода. Исследователи аргументировано оценивают сотрудничество в рамках названного соглашения как «декларативное взаимодействие [2, с.203] (4). Основанием для чего назовем осознание участниками «Ташкентского пакта» не востребовавшейся стратегической цели соглашения — вероятности внешней агрессии против стран СНГ. На протяжении долгих лет военное вторжение какого-либо из зарубежных государств или их коалиций не являлось актуальным развитием международных отношений и не воспринималось в качестве угрозы для членов ОДКБ.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Помимо этнического фактора, серьезным вызовом для коллективной безопасности постсоветского пространства, была «восточная политика» США и НАТО. По сути, таковая проявила себя в качестве инструмента подрыва сплоченности бывших союзных республик в вопросах военно-политической интеграции. Практически все государства — партнеры России выказывали намерения содействовать «Программе во имя мира», тогда как российское руководство расценивало этот проект как преимущественно деструктивный. В начале 2000-х гг. проявилось стремление евроатлантических институтов реализовать программы региональной безопасности без участия Российской Федерации — такие, как ГУУАМ и «Каспийский страж», к которым примкнули государства, покинувшие «Ташкентский пакт» от 1992 г. — Азербайджан, Грузия и Узбекистан.

В связи с чем укажем на некорректность сопоставления потенциалов ОДКБ и Североатлантического альянса как субъектов международных отношений в условиях многополюсного мира. Если институциональная структура коллективной безопасности с участием России изначально опиралась на аморфные органы Содружества Независимых Государств, то натовские институты к началу постбиполярной эпохи представляли собой весьма эффективный механизм. К тому же государства — члены Североатлантического альянса по большей части имеют многолетнюю национально-политическую традицию, в то время как бывшие республики СССР находились только в начале своей суверенизации и этнокультурной идентификации.

Ввиду отмеченных условий период 1999–2001 гг. следует признать системным кризисом стратегии создания

коллективной безопасности постсоветского пространства. В то время, как ряд ее первоначальных участников открыто дрейфовали в сторону евроатлантической интеграции, необходимость укрепления объединения вокруг Российской Федерации, прежде всего, Белоруссией, оказавшейся в остановке политической конфронтации с Западом, а также центрально-азиатскими республиками оказавшимися один на один с угрозой исламского фундаментализма и терроризма. Военно-экспансионистские акции США и их союзников в отношении Югославии и Ирака, пришедшееся на рубеж XX–XXI столетий, также продемонстрировали замыслы новых претендентов на мировую гегемонию.

Итогом осмысления сложившейся геополитической реальности стали договоренности о реформировании Договора о Коллективной безопасности, формализованные в Минском меморандуме Совета коллективной безопасности, провозглашенном в 2000 г. Однако очередной серьезной проверкой на прочность системы коллективной безопасности стала необходимость определения позиции по поводу операции коалиции во главе с США «Несокрушимая свобода» против режима «Талибан» в 2001 г. В нарушение пунктов Минского меморандума, договоренности конкретных государств о военном сотрудничестве с США и их союзниками достигались не на коллективной, а на двусторонней основе. Консультации правительств Киргизии, Таджикистана и вышедшего к тому времени из Договора от 1992 г. Узбекистана по поводу размещения военной инфраструктуры государств Запада в регионе, проводились только с российским руководством, не будучи вынесены на обсуждение с остальными партнерами по «Ташкентскому пакту». Что вызвало несогласие официального Минска, указывавшего на непри-

емлемость присутствия войск НАТО в зоне ответственности участников Договора о коллективной безопасности.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОДКБ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Наметившиеся разногласия не помешали пришедшемуся на период 2002–2004 гг. международно-правовому оформлению Организации Договора о коллективной безопасности, что сопровождалось созданием ее институциональной структуры, переходом на новый уровень сотрудничества в оборонно-технологической сфере, созданием механизмов военно-экономической кооперации государств-союзников. Важной вехой назовем провозглашение 16 ноября 2006 года создания Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности.

Обратим внимание, что на время официального создания Организации Договора о коллективной безопасности, то есть на 2004–2005 гг. приходится масштабное обострение ситуации в центрально-азиатском регионе. Ее следует расценивать как проявление первой волны, т.н. «цветных революций» охвативших в указанное время пространство СНГ, включая и нейтральные и склоняющиеся к западному покровительству государства. В результате санкций, наложенных США на официальный Ташкент, им было принято решение о восстановлении своего членства в ОДКБ.

Несмотря на очевидное вмешательство извне во внутренние дела стран постсоветского региона, в 2003–2004 гг., артикулируется заинтересованность институтов коллективной безопасности в налаживании диалога с евроатлантическими объединениями. Отметим несомненную взаимосвязь между «восточной политикой» США и Евросоюза и оформлением орга-

низационного единства ОДКБ. Знаковым событием стало совещание Североатлантического альянса в Стамбуле в 2004 г, которое объявило о начале продвижения его инфраструктуры в ближнее зарубежье России [4, с.42] (5). Тогда же, в 2004 г., произошло территориально-политическое расширение НАТО — принятие в эту организацию прибалтийских государств.

Достоинством политики коллективной безопасности следует признать попытки модернизации деятельности Организации: принятие в 2006 г. в Декларации государств — членов объединения. В ней оно впервые провозглашалась «многофункциональной структурой безопасности». Тем самым преодолевался существовавший с момента подписания «Ташкентского соглашения» 1992 г. подход, согласно которому приоритетом союзного объединения являлась в первую очередь региональная военная безопасность.

На период 2006–2010 гг. пришелся новый кризис ОДКБ, завершившийся окончательным выходом из нее Узбекистана и принятием обновленного Устава организации. Непосредственным поводом для пересмотра функций объединения стал межклановый конфликт в Киргизской Республике, приведший к столкновениям с узбекской общиной Ферганской долины.

В декабре 2010 г. принимается комплекс документов, существенно координирующих изначальное содержание Договора коллективной безопасности. Ими уточнялся перечень вероятных угроз безопасности постсоветского пространства и определялись новые направления обеспечения коллективных интересов организации.

Именно этот момент следует признать принципиальным в деле трансформации функций союзного объединения: теперь, помимо противодействия внешним вызовам и угрозам, потенциал ОДКБ мог

официально применяться для урегулирования внутригосударственных кризисов. Закреплялся отказ от правила консенсуса при принятии стратегических решений организации. После корректировок в Уставе ОДКБ от 2010 г. они принимались простым большинством участников совещаний Совета коллективной безопасности. От государства, охваченного конфликтом, отныне требовалось только отсутствие обнародованного протеста против принятого решения.

Таким образом, ответом на вызовы этноконфессиональных и межклановых конфликтов стало обоснование привлечения сил и средств организации к урегулированию кризисных ситуаций, прямо не связанных с внешним вторжением — стихийных бедствий, террористических атак, техногенных катастроф, массовых волнений и попыток мятежей. Основание и порядок перехода к кризисному реагированию определялись Советом коллективной безопасности организации.

Комплекс функциональных задач был продублирован в утвержденной в 2016 г. Стратегии коллективной безопасности ОДКБ до 2025 г. В ее тексте впервые появляется и раскрывается понятие транснациональных вызовов и угроз: в первую очередь, по отношению к информационной безопасности и к государственным границам.

Главным установлением Стратегии коллективной безопасности 2016 г. считается создание системы кризисного реагирования союзного объединения. К проявлениям кризисных ситуаций были отнесены подрыв политической стабильности, нарушение территориальной целостности и суверенитета стран — союзников по ОДКБ. Именно подготовка нормативной базы обеспечила успешные действия коллективных сил организации во время пресечения попытки антиконституционного мятежа

в Казахстане в 2021 г. Будучи официально объявлен в качестве внешнего террористического вторжения, последний в большей степени являлся следствием внутриэлитного противоборства [7, с.111] (6). Опасность превращения ключевого государства Евразии в эпицентр этнополитической нестабильности побудила членов ОДКБ к проведению первой совместной акции военно-политического характера.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI СТОЛЕТИИ

Несмотря на наличие весьма продуктивных попыток модернизации концептуальной основы деятельности ОДКБ, прослеживается отсутствие практической действенности организации в наиболее знаковых событиях и ситуациях конфликтного характера в ближнем зарубежье России. Прежде всего, весьма сдержанной является реакция российского руководства на продвигание в Закавказье и Центральной Азии проекта «тюркского мира» через патронируемый Анкарой формат «Организации тюркских государств».

Согласованная позиция ОДКБ не была сформирована и продемонстрирована по отношению к таким судьбоносным событиям, как переворот в Киргизии 2010 г., «олимпийская война» 2008 г., политический кризис вокруг Украины 2013–2014 гг. Самыми серьезными проблемами для ОДКБ следует признать Вторую Карабахскую войну 2020 г. и эскалацию Запад-Россия после начала Специальной военной операции 2022–2023 гг.

К началу наступления азербайджанской армии на Карабах/Арцах в рядах ОДКБ уже наблюдался раскол по поводу поддержки той или иной стороны конфликта. Казахстан занимал выраженную тюркофильскую позицию еще со времен создания Ев-

разийского экономического союза, когда пытался препятствовать вступлению в эту организацию Армении. Обострение отношений Еревана с Минском было спровоцировано волюнтаризмом политики правительства Н.Пашиняна, которое пыталось препятствовать выдвижению на пост Генерального секретаря ОДКБ представителя Белоруссии после инициированной армянской стороной отставки делегата от своей страны [3, с.13] (7). Российская Федерация также сдержанно отнеслась к идее безусловной поддержки новых ереванских властей, состоящих из прозападных выдвигенцев, проявивших недееспособность в условиях военного времени.

Еще более масштабные вызовы возникают перед системой коллективной безопасности после начала Специальной военной операции России на Украине. Подавляющее большинство союзников Российской Федерации вынуждено формировать свою позицию в этом вопросе с учетом мнения атлантических держав, поддерживающих официальный Киев. Тогда как возникающая в связи с этим угроза территориальной целостности в форме посягательства украинской стороны на шесть регионов Российской Федерации создает юридические условия для обращения к статьям Договора 1992 г. в части отражения внешней агрессии. Что тем более актуально в связи с вероятной прямым вмешательством в конфликт внешних по отношению к СНГ субъектов — прежде всего польских реваншистов.

На фоне продолжающейся эскалации не прослеживается прежде всего политико-дипломатической поддержки действий России со стороны государств-членов и координирующих органов ОДКБ. Последовательную позицию в этом вопросе занимает только руководство Белоруссии. Подтверждается аргументация о том, что, основной мотивацией участия боль-

шинства новых независимых государств СНГ в системе коллективной безопасности нередко называют обретение односторонних экономических и военно-технологических преимуществ и выгод за счет уступок со стороны России. Во втором десятилетии XXI столетия все большее распространение получает мнение о «кризисе идентичности» ОДКБ. Его содержание связывается с определением места и роли в системе единого пространства безопасности глобализирующегося мира. В качестве практического проявления кризиса «идентичности ОДКБ» воспринимается недостаточная эффективность при формулировании и реализации стратегических решений организации в международных отношениях. Как весьма развернуто аргументирует Т.И. Щеколдина, данный фактор дополняется высокой степенью формализма на фоне отсутствия единых стратегических целей [8, с.1173] (8). К этому следует добавить неготовность правящих элит постсоветских государств, большинство из которых уже исторически не связано с мировоззрением советского времени, открыто или косвенно противодействовать западной экспансии.

Тем самым объясняется взаимосвязь между отсутствием консолидированной реакции государств — союзников по ОДКБ и внутренними проблемами и противоречиями между ними. Очевидно, что гипертрофированная оценка новыми правящими элитами своего национального суверенитета закономерно вызывает

дисбаланс в оценке приоритетов национальной и коллективной безопасности и ведет не к интеграции, а к поляризации позиций участников Договора от 1992 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с переходом конфронтации Россия — Запад в затяжную фазу и продолжающимся военными действиями на юго-западных рубежах Российской Федерации возникают основания для использования инструментария, предусмотренного Договором 1992 г. в деле отражения внешней агрессии. Однако подключение институтов коллективной безопасности к обеспечению защиты рубежей России, исключая потенциал Белоруссии, выглядит далеким от реальности. Основная причина того, несомненно, в произошедшей смене правящих элит постсоветских государств, когда в целом лояльных к России лидеров в ближнем зарубежье заменили сторонники сближения с Западом или адепты ориентации на пантюркистский проект.

Международный кризис 2022–2023 гг. сформировал проблемную ситуацию — противоречие между уровнем развития структур и механизмов ОДКБ и геополитической переориентацией руководства государств — участников организации. Практически потенциал коллективной безопасности на деле поддерживается только Российской Федерацией и Белоруссией. Что будет иметь долгосрочные последствия для существования ОДКБ в сложившемся на сегодня формате.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Толстов С. Феномен ГУАМ: опыт структуры международного сотрудничества и перспективы в статусе международной организации. *Центральная Азия и Кавказ*. 2008;3-4:36-50. (1)
2. Андреев А.А. Причины этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, или долгая дискуссия в 30 лет. *Вопросы этнополитики*. 2019;4:40–59. (2)

3. Файзуллаев Д.А. ОДКБ: формирование системы коллективной безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2009;7(624):20-25. (3)
4. Голуб К.Ю., Голуб Ю.Г. ОДКБ: истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации. *Вестник международных организаций*. 2018;1:193–203. (4)
5. Меликян Г.Г. Сравнительный анализ военно-стратегических концепций НАТО и ОДКБ: общее и особенное. *Общество: политика, экономика, право*. 2021;1(90):42-46. (5)
6. Чаевич А. В. «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России. *Власть*. 2022;30(1):110-115. (6)
7. Евсеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве. *Постсоветский материк*. 2021;2:13-24 (7)
8. Щеколдина Т.И. ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ: проблемы управляемости. *Постсоветские исследования*. 2019;2(4):1165-1173.

REFERENCES:

1. Tolstov S. Phenomenon of GUAM: experience of the structure of international cooperation and prospects in the status of an international organization. *Central Asia and the Caucasus*. 2008;3-4:36-50. (In Russ.)
2. Andreev A.A. Causes of ethno-political conflicts in the post-Soviet space, or a long discussion in 30 years. *Questions of ethno-politics*. 2019;4:40–59. (In Russ.)
3. Fayzullaev D.A. CSTO: formation of a collective security system. *Asia and Africa today*. 2009;7(624):20-25. (In Russ.)
4. Golub K.Yu., Golub Yu.G. CSTO: the origins of a multidisciplinary mandate and modern tools for its implementation. *Bulletin of international organizations*. 2018;1:193–203. (In Russ.)
5. Melikyan G.G. Comparative analysis of the military-strategic concepts of NATO and the CSTO: general and special. *Society: politics, economics, law*. 2021;1(90):42-46. (In Russ.)
6. Chaevich A. V. “Color Revolution” in Kazakhstan as another threat to Russia’s national security. *The Power*. 2022;30(1):110-115. (In Russ.)
7. Evseev V.V. CSTO and security in the post-Soviet space. *Post-Soviet continent*. 2021;2:13-24 (In Russ.)
8. Shchekoldina T.I. CSTO as a Tool for Ensuring Russia’s Military-Political Interests in the CIS Space: Problems of Governance. *Post-Soviet Studies*. 2019;2(4):1165-1173. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Л. Цыбаков, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, Московская область, Россия; 141435, Россия, Московская область, городской округ Химки, улица Соколовская, строение 1А;
d413839@yandex.ru

Dmitry L. Tsybakov, The Academy of Civil Protection of the Civil Defence Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, Moscow region, Russia; bld. 1A, Sokolovskaya st., Moscow region, district of Khimki, 14143, Russia;
d413839@yandex.ru